

Кабардино-Балкария 2000-2010: определяющие факторы формирования сложного «сегодня» и неопределенного «завтра»

Т.З. Тенов,

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

В Кабардино-Балкарской Республике (КБР) присутствует набор признаков кризисной и конфликтной северокавказской парадигмы. Для понимания и прогнозирования ситуации необходим анализ этнополитических процессов в регионе с высокой социокультурной неоднородностью и дифференцированностью политических процессов.

1. Географическое положение и структура управления

КБР – республика в составе РФ¹. Управление осуществляют президент и парламент. Депутаты избираются прямым всеобщим голосованием на 5 лет, имеют право переизбираться неограниченное количество раз. Президент КБР до 2005 г. избирался прямым всеобщим голосованием. С 2005 г., после изменения избирательной системы в РФ, назначается президентом России и утверждается парламентом республики сроком на 5 лет. Президент имеет право распустить парламент. Парламент правомочен объявить президенту импичмент.

Территория КБР – 12,47 тыс. км². Население приближается к 1 млн. человек.

Республика граничит на юге с Грузией, на востоке с Ингушетией и Северной Осетией, на западе со Ставропольским краем и Карачаево-Черкессией. До 2005 г. КБР считалась наиболее стабильной среди республик юга России, несмотря на высокие уровни безработицы и задолженности перед федеральным бюджетом.

Столица – г. Нальчик с населением около 400 тыс. – считается красивейшим городом Северного Кавказа. Наиболее быстрыми темпами в постсоветский период в КБР развивались строительный и нефтяной бизнесы, банковское дело, туристическая индустрия. По территории республики проходят две федеральные трассы (автомобильная и ж/д) Москва-Баку. КБР имеет аэропорт с прямым регулярным сообщением с городами России, Турции и ОАЭ. Республика обладает запасами полезных ископаемых, в т.ч. нефтью и природным газом. Однако добывающая индустрия находится в зачаточном состоянии. Инвестиционная привлекательность оценивается экспертами как низкая. В силу причин, обусловленных особенностями истории Северного Кавказа, в частности КБР, наличием зависимости

---

¹ Конституция КБР от 1 сентября 1997 г

между территориальным распределением, специализацией труда и расселением этносов, этнический фактор играет основную роль в общественно-политической жизни, оказывая влияние на социально-экономические, политические и демографические процессы. Социальные, территориальные, национальные и межконфессиональные проблемы тесно переплетены и взаимодействуют, усиливая друг друга.

2. Национальный состав и пересечение интересов

По данным переписи 2002 г. кабардинцев в республике – 498702 чел., русских – 226620 чел., балкарцев – 104951 чел. Национальный состав определил формирование общественных организаций национального, этнического характера, который имел место в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Наибольшее влияние имели национальные движения. Оно объяснялось ожиданиями части населения повышения статуса республики, национального самоопределения, возрождения культур. Некоторые ожидания реализовались в принятии Декларации о государственном суверенитете. Но сложность и опасные последствия реализации некоторых провозглашенных целей стали очевидны для большинства граждан, что снизило популярность национальных движений и вытеснило их с политической арены.

Начало формирования партийной системы КБР, если можно ее так назвать, приходится на период перестройки. Общественные организации «Ашэмэз» и «Ныгъыш» сосредоточили внимание на обмене мнениями о культурном возрождении наций, изучении родных языков в школах. В их активе – пробуждение национального самосознания интеллигенции. Позже, в конце 80-х годов любительские объединения плавно переродились в общественные организации «Адыгэ Хасэ» и «Тере», политизировались и дали крен в правую часть политического спектра. Так возникли национальные организации КБР.

«Адыгэ Хасэ» и «Тере» были наиболее влиятельными и последовательными. Обе претендовали на непосредственное выражение национальных интересов, на прямое представительство народов. Программные документы «Адыгэ Хасэ» постулировали, что Хасэ наряду с подобными организациями адыгейцев, черкесов, абазин и черноморских шапсугов «является защитницей политических и этнических интересов адыгов». Устав «Тере» определял ее как народную общественную организацию, основанную на принципах самоуправления, а согласно программе «Тере» стремится быть социальной гарантией, позволяющей общественности выступать в качестве политической силы «исключающей манипулирование народами и от имени народов». С этим перекликается тезис программы о том, «что каждый народ следует принимать как отдельную личность с соответствующим обеспечением ему прав и свобод в сообществе народов»; акцентирование на то, что

«балкарский народ является в республике коренной нацией; требование искоренения практики выбора руководящих работников из числа некоренных жителей данной территории». В совокупности они довольно отчетливо выражали концепцию этнического фундаментализма как общественно-политической позиции.

Обе организации, безусловно, стремились к возрождению и развитию национальных языков и культур и решению связанных с этим задач. Они не только ориентировались на использование методов политики, но и прямо провозглашали политические цели и задачи.

«Адыгэ Хасэ», с одной стороны, ставило целью объединить усилия граждан республики для содействия качественному преобразованию межнациональных отношений на основе принципа равноправия народов. С другой – в ее уставе-программе были зафиксированы только две конкретные политические задачи: способствовать переходу КБР из статуса автономии в статус суверенной республики и добиваться формирования федерации адыгских народов Кавказа. Соединение двух задач в программе национального движения, представляющего этническую группу большинства в КБР, оставляло ряд вопросов.

Документы «Тере» содержали развернутую программу глубокого переустройства этнополитической структуры управления КБР. Квинтэссенция программы сформулирована в пункте устава, провозглашающем в качестве одной из основных задач «Тере» способствовать «фактическому восстановлению и развитию КБР как суверенной национально-территориальной единицы, объединенную в единую Кабардино-Балкарскую ССР, имея в виду восстановление исконных административно-территориальных районов Балкарии, политического и экономического паритета». Достижение цели без последствий для законных прав и интересов других народов было заведомо невозможно, и ее декларирование с неизбежностью воспринималось как посягательство на эти права и интересы.

Кроме двух полярных национальных движений существовало русскоязычное движение («Русскоязычный конгресс», Терско-Малкинская община, «Россияне», «Славяне», «Вече»), возникшее как реакция на попытку разделения республики. В частности, «Русскоязычный конгресс» заявил на учредительном собрании позицию за целостность Кабардино-Балкарии и вошел в Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии.

Таким образом, начало 90-х годов можно характеризовать как период противостояния различных групп населения Кабардино-Балкарии по национальному признаку.

Децентрализация власти в начале 90-х годов, когда регионы по предложению Б.Н. Ельцина брали столько полномочий, сколько смогут, привела к усилению центробежных тенденций. К примеру, согласно Декларации о суверенитете, принятой в КБР в 1991 г.,

фактически отразившей принцип двойной субъектности, республика обрела признаки суверенного, независимого государства.²

1 июля 1994 г. республика одной из первых в РФ подписала договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР». Как указано в договоре КБР выступает как государство (ст. 1). Государственную власть в республике осуществляют образуемые ею органы государственной власти, которые устанавливаются республикой самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации.³ Подписание договора происходило в сложных общественно-политических условиях, когда ряд различных общественно-национальных движений требовали полного суверенитета по примеру соседней Чеченской республики. Необходимо отметить, что во многом ситуацию удалось стабилизировать благодаря авторитету первого президента КБР В.М. Кокова, обладавшего значительной поддержкой со стороны федерального центра в том числе. Особенность действий руководства проявилась в том, что оно, начиная с 1992 г., практически никогда не оставляло без внимания мало-мальски авторитетные в народе силы, стоящие в оппозиции. Показательным примером методов работы первого президента с оппонентами может служить включение в официальный дискурс идей Национального совета балкарского народа (НСБН) во главе с С.У. Беппаевым, ставшего впоследствии председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Многие лозунги лидера оппозиции, после его назначения, можно было встретить в программных документах руководства республики. С.У. Беппаеву была предоставлена возможность на высоком уровне решать задачи, с которыми, по его мнению, не справлялась власть.

Причем при кажущихся уступках со стороны властей, эти действия выглядели как решения мудрого и дальновидного политика, но не проявление слабости. Специфичность и уникальность политики проявилась и на выборах президента КБР в 2002 г. Она заключалась в единодушной поддержке В.М. Кокова и проводимой им политики практически всеми общественными и общественно-политическими организациями, включая официально зарегистрированные родовые объединения. Уникальность автор усматривает в том, что кандидат одновременно выражал интересы правых, левых и центристов.

Этому явлению можно дать несколько объяснений:

1. Способность Президента переводить противоречия в русло конструктивного диалога, через включение идей и лозунгов оппозиции, отдельных лидеров, в официальный дискурс.

---

² Дышекова М.Р. Кабардино-Балкарская республика: от системы советов к современному парламентаризму. Государство и право. №4, 1999 г. С.32.

³ Конституционное право Кабардино-Балкарской республики. Ростов-на-Дону. 2006 г. С.42.

2. Интерес представляют действия руководства республики в кризисные годы, а также идеи, позволившие снять напряжения в межэтнических отношениях. В частности, речь идет о соблюдении национального паритета при формировании структур государственной власти, хотя, как признавалось руководством, «порой это вредит компетентности и профессионализму».⁴ Целесообразность данного принципа необходимо рассматривать с точки зрения национальных взаимоотношений. К негативу в исторической перспективе можно отнести неравномерное соотношение пропорций в государственных органах при соблюдении национального паритета. На период 2002 г. соотношение 48% кабардинцев, 32% русских и 9% балкарцев, сложившееся в КБР, приобрело неадекватные пропорции во власти. В условиях кавказской ментальности, где родовая поддержка и взаимопомощь являются существенным фактором, подобный диссонанс оказался одним из факторов современных противоречий на более высоком уровне.

Тем не менее, стабильные национальные взаимоотношения в республике В.М. Коковым были достигнуты. Еще одна особенность проявилась в том, что каждая этническая группа находила и отстаивала через его поддержку свой интерес. Здесь стоит обратить внимание на особое отношение президента к морально-этической стороне процесса реабилитации, проявляющегося в его повышенном внимании к вопросам возрождения культуры, быта и инфраструктуры народов, например, личное участие в мероприятиях, посвященных памятным датам истории балкарского народа.

Если говорить о русскоязычном населении, то упомянутое соблюдение паритета в государственных органах власти создавало положительный эффект на фоне проблем этнических русских в Закавказье и некоторых субъектах Северного Кавказа. Важную роль, в немалой степени, сыграла целенаправленная политика руководства на создание оплота российского федерализма на Кавказе. За всю историю молодых взаимоотношений КБР и столицы РФ они не носили конфронтационного характера. Они органично дополняли друг друга. Вместе с этим, решительные действия власти относительно проявлений нетерпимости, плюс участие казачьих объединений в межнациональном комитете при президенте дополняли сложившийся порядок.

Одним из факторов, прямо оказавших влияние на политическую ситуацию в КБР стала активизация миграционных процессов. Зачастую национальные элиты склонны видеть в полиэтническом электорате угрозу собственным позициям и пытаются изменить пропорции в пользу одной группы. Это может быть «выталкивание» иноэтнического населения с территории, ограничения в трудоустройстве, избирательном праве и т.д. КБР является одним из тех регионов мира, где население отличается

---

⁴ См. В.М. Коков «Дорогами реформ». С.244.

терпимостью к представителям других народов, к другим культурам и стереотипам поведения. Но обострение ситуации в конце 80-х – начале 90-х годов снизило уровень толерантности и увеличило потенциальную конфликтогенность.

Современные формы проявления радикализма, ксенофобии, экстремизма на юге России разнообразны, это и *этнонационализм*, и *мигрантофобия*, и *религиозный экстремизм*, и *шовинизм*, и *расизм*. Причем, в период 1991-2005 гг. радикальные группировки возникали на почве реальных социальных процессов, и соответственно доминирующей оказывалась одна из них, хотя и предшествующие не прекращали деятельности.⁵

Рост межэтнической напряженности, как в Кабардино-Балкарии, так и на Северном Кавказе связан несколькими типами причин:

1. Правовые (юридические) – многие мигранты не имеют возможности получить прописку, зарегистрировать домовладения, купленные на основании «ручных сделок» и т.д. Зачастую, препятствуя легализации мигрантов, власти обостряют противостояние.

2. Полиэтнические и этнополитические – упомянутое возрождение и становление национальных движений и организаций в республиках Северного Кавказа.

3. Социально-экономические – экономическая стратификация населения, конкуренция за рабочие места и землю (актуально для сельскохозяйственного региона).

4. Социальные – в начале современного массового переселения коренное население ощутило дефицит потребительских товаров; часть коренного населения связывает с мигрантами рост преступности и появление новых видов преступлений (распространение наркотиков, новых поведенческих стереотипов и т.д.).

5. Демографические – интенсивная миграция и высокая рождаемость этнических мигрантов, в том числе месхетинских турок, курдов на фоне депопуляции других, прежде всего коренных, этнических групп.

6. Социокультурные – вполне закономерное изменение условий жизни в процессе увеличения диаспор иной культуры. В подобных условиях обычные бытовые проблемы часто приобретают ярко выраженную этническую окраску.

7. Религиозные – часть мигрантов исповедуют мусульманство иного толка, что вызывают недовольство последователей догматических направлений ислама.

Одним из следствий межэтнической напряженности является отток русскоязычного населения из республик Северного Кавказа. Согласно переписи 1989 г., русские являлись вторым по численности народом в КБР. (32.1 %). Помимо их расселения в

---

⁵ Л. Хоперская (опубликовано на сайте Antirasizm.ru: http://www.antirasizm.ru/publ_047.doc)

городах, они занимают земли казачьих станиц. Но их число в республике сокращается, что помимо межэтнической напряженности связано с ухудшением социально-экономического положения и общественно-политической обстановки.

Межэтнические противоречия в КБР имеют не давнюю, но достаточно регулярную и устойчивую структуру. Фундамент противоречий между двумя титульными народами (кабардинцы и балкарцы в конституции КБР обозначены как титульные нации) был заложен во время сталинской депортации. Балкарцы были выселены поголовно, кабардинцы остались на родине. Эта несправедливость впоследствии сказалась на взаимоотношениях после возвращения балкарцев. Последние остались не удовлетворены реабилитацией. В частности, выплатой федеральных компенсаций и возвращенными территориями.

Нужно уточнить, что все компенсационные финансовые потоки бывший в то время президентом КБР В.М. Коков публично передал в полное ведение балкарским национальным обществам и запретил кому-либо из кабардинских руководителей иметь отношение к этим деньгам. Это был шаг, который Президент объяснил так: «Деньги могут стать причиной упреков в любом случае, даже если будут направлены по назначению. И если ими будут заниматься кабардинцы, это может положить начало конфликту между нашими народами». В.М. Коков оказался дальновиден. Большая часть денег была действительно растрачена. Но отсутствие в числе расхитителей кабардинцев не смогло предотвратить претензий балкарцев. Главной стала территориальная. Балкарцы до депортации владели четырьмя районами в республике, после возвращения им остались три. Четвертый – Хуламобезенгийский район – был упразднен, территория поделена между двумя другими районами.

Российская пресса, освещая события 1994-1996 г.г. в КБР, проводила параллели между двумя генералами: чеченским лидером Д.М. Дудаевым и балкарским лидером С.У. Беппаевым. Журнал «Профиль» вынес на первую полосу заголовок «Конфликт в Кабардино-Балкарии: станет ли Беппаев Дудаевым?»⁶. «Газета Юга» в № 21 за тот же год озаглавила репортаж цитатой из интервью с генералом: «Я приступил к формированию балкарской армии». В Нальчике на общенациональном съезде был создан Государственный Совет Балкарии, лидером которого избран С. У. Беппаев. Съезд заявил о выходе Балкарии из состава КБР и послал в Кремль прошение о временном введении в новой республике прямого президентского правления. Но, несмотря на амбиции, С. У. Беппаев не шел в заявлениях и призывах дальше «республики в составе РФ». Лозунг «Независимая свободная Балкария» выдвинул другой лидер – Р.М. Джаппуев, создавший сепаратистское крыло балкарского национального движения, имевшее не меньше последователей, чем более удобное и управляемое беппаевское.

---

⁶ № 18 за 1996 г.

Переход С.У. Беппаева в лагерь В.М. Кокова в балкарской среде был воспринят как предательство, что привело к утрате генералом авторитета, расколу в балкарском национальном движении и в дальнейшем – к созданию двух самостоятельных и враждующих балкарских национальных объединений. Очередное обострение кабардино-балкарских взаимоотношений возникло в 2004-2005 гг. В республике обсуждался новый закон «О границах муниципальных образований». Балкарцы посчитали его покушением на их земли. Причиной недовольства стало возникновение территорий с новым статусом «межселенные». Эти земли отчуждаются у муниципальных образований в пользу республики. К категории «межселенных» по закону были отнесены земли между населенными пунктами, раньше находившиеся в свободном владении местных жителей и используемые ими как пахотные и пастбищные. Реформа коснулась всех без исключения муниципалитетов КБР, но возмущение выразили только балкарцы, посчитавшие закон ущемлением прав и свобод.

В мае 2005 г. в Нальчике был убит один из лидеров балкарского народа А.Ю. Зокаев – глава пригорода Нальчика. Балкарские лидеры, включая лояльного к властям генерала С.У. Беппаева, выступили с жесткими заявлениями, расценивая убийство как политический заказ. Республику снова охватила волна митингов. В конце мая 2005 г в Нальчике был объявлен общенациональный балкарский митинг памяти А.Ю. Зокаева. Милиция не допустила на него людей из пригородов. Дом правительства был взят войсками в тройное оцепление. Власти опасались массовых народных волнений. Вслед за разгоном демонстрации в Нальчике, в Эльбрусском районе КБР, где население преимущественно балкарское, митинги не прекращались, а группой балкарских женщин была объявлена бессрочная голодовка. Здесь также милиция применила насилие. Все въезды в Баксанское ущелье, где находится район, были перекрыты. Ограничен доступ транспорта, задерживались журналисты, направленные для освещения ситуации. Демонстрации балкарцев продолжались в течение лета 2005 г.

Кабардинские национальные движения в республике пережили пик активности в начале 90-х годов. В сентябре – октябре 1992 г. существовавшие в КБР влиятельные организации «Адыгэ Хасэ» и «Конгресс Кабардинского народа» во главе с профессором Ю.М. Шанибовым заявили о намерении выйти из состава РФ и создать независимое государство. Лозунг нашел поддержку среди населения КБР, Нальчик лихорадило от беспорывных митингов, республика была близка к войне.

Ситуацию разрешила позиция В.М. Кокова. Ю.М. Шанибов был похищен и, как выяснилось в последствии, арестован. Митинги разогнаны с применением сил милиции и армейских подразделений. Руководящий состав Конгресса подвергся массированному преследованию. Кабардинец В.М. Коков жестко расправился с кабардинским национал-сепаратистским движением, показав себя интернационалистом и государственным

человеком. Вслед за Конгрессом Кабардинского народа было уничтожено и общественное движение «Адыгэ Хасэ». Офис организации подвергся милицейскому погрому, архив был сожжен, лидеры избиты, общество расформировано. Взамен «Адыгэ Хасэ», фактически осуществлявшего функции общественного парламента, в 2002 г. была создана инертная структура с тем же названием, но совершенно иными целями и задачами. Судя по прессе, главная задача организации – пропаганда идей всеобщей любви и благодарности черкесов к российскому государству. Кабардинские общественные организации разобщены, подавлены и контролируемы. Авторитет и влияние их на кабардинскую среду достаточно низкий.

Конец митинговой волне положила смена политического режима, последовавшая после смерти В.М. Кокова. Новым президентом КБР был назначен кабардинец А.Б. Каноков. Балкарцы расценили назначение как очередной проигрыш в борьбе за национальные интересы. Возможно следовало ожидать нового всплеска активности балкарского национального движения, но произошедшее вскоре восстание мусульманской молодежи 13 октября в Нальчике свело на нет национально-политические разногласия.

3. Социально экономический коллапс и усиление влияния МВД

1 сентября 1997 г. Парламентом КБР принята Конституция республики, которая стала нормативно-правовой формой завершения институционализации государственности. 7 июня 2000 г. Конституционный Суд РФ в постановлении указал, что республики как субъекты РФ не вправе наделять себя свойствами суверенного государства. В КБР началась работа по приведению республиканского законодательства в соответствии с федеральным. В апреле 2002 г. Парламент КБР высказался за денонсацию договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР от 1 июля 1994 г. Несколько позже в этом же духе высказался президент... «...здесь, на Северном Кавказе, у руля власти должны стоять лидеры, поддержанные законодательными органами и народным мнением, убежденные сторонники укрепления российской государственности. Здесь миндальничать и играть в либерализм преждевременно. Власть должна гарантировать жителям спокойную безопасную жизнь... И служить надо одному Богу. Этот Бог – Россия, ее интересы. А с нас, местных руководителей, надо спрашивать почаще и поостороже.⁷

Правозащитники и оппозиция обвиняли В.М. Кокова в разгуле коррупции, торговле должностями, разворовывании бюджета и обнищании КБР. В последние годы его правления,

---

⁷ См. РФ сегодня. №11 2005. Интервью с президентом КБР В.М. Коковым

когда больной раком президент отсутствовал на рабочем месте, республика представляла собой клубок проблем и конфликтов. В частности долги перед федеральным бюджетом в два раза превысили годовой бюджет КБР и достигли 2.9 миллиардов рублей. Таких же размеров достигали задолженности по заработной плате перед работниками бюджетной сферы. Врачи, учителя, чиновники не получали зарплату по 2 – 3 месяца даже в середине 2005 г., тогда как в целом по России эта проблема была решена. Из-за огромной задолженности КБР перед энергетическими компаниями население терпело лишения в быту: отключения тепла, света и воды носили регулярный характер. С 2003 по 2005 гг. правительство КБР работало без министра финансов: никто из местных чиновников не соглашался занять должность из-за страха оказаться ответственным за разрастающиеся хищения государственных средств.

В это время многократно возросла роль силовиков. Прежде всего – Министерства внутренних дел КБР. Штат милиции достиг беспрецедентной в масштабах Северного Кавказа численности – около 15 000 сотрудников. Милиция вмешивалась во все сферы жизни общества и установила контроль над бизнесом и криминалом. Взаимоотношения силовых структур и населения характеризовались взаимным отчуждением и финансовой зависимостью населения от милиции. Республиканская «Газета Юга» в номере от 18 сентября 2001 г. приводит сводку по 362 преступлениям, совершенным сотрудниками МВД в этом году. Среди преступлений большую часть составляют такие тяжкие, как убийства, изнасилования, грабежи, вымогательство взяток, превышение служебных полномочий.

Начиная с 2002 г. сообщения о происшествиях в КБР напоминают сводку боевых действий в Чечне, хотя республика продолжает считаться мирной.

В 2001 г. только в Эльбрусском районе, граничащем с Грузией, произошло шесть вооруженных столкновений с группами или отдельными моджахедами.

Выступая на брифинге в МВД республики в марте 2002 г. президент КБР В.М. Коков сообщает, что составлены списки экстремистов, которые «хотят поцарапать прекрасную Кабардино-Балкарию. Но мы никому не позволим этого сделать. Каждый из 400 человек находится под круглосуточным наблюдением и правоохранительные органы готовы к любым мерам по отношению к этим людям, вплоть до физического уничтожения, если это понадобится». В 2002-2003 гг. власти приступают к массовому наступлению на «религиозных экстремистов». В республике повсеместно закрываются мечети, происходят необоснованные аресты, появляются сообщения о пытках и унижениях во время допросов. В 2003 г. в городе Баксане в 20 километрах к западу от Нальчика спецназ вступает в бой с группой неизвестных в одном из частных домов. МВД сообщает, что в доме находится Ш. Басаев. Ему удается уйти невредимым вместе с женой и телохранителем из города, взятого под контроль на земле и с воздуха. Один из рядовых участников операции анонимно

рассказывает республиканской «Газете Юга»⁸, что с наступлением темноты все силы были отозваны по приказу высокопоставленного руководителя силового ведомства. Вслед за этим задерживаются одновременно около 170 членов джамаата КБР, все они жестоко избиваются, группе задержанных принудительно сбрасывают бороды битым стеклом, другой группе на голове выбиваются кресты, некоторым заливают в рот водку. Унижения и насилие подробно описаны в заявлениях, которые массово рассылаются во все инстанции – от прокуратуры до президента РФ. В заявлениях мусульмане просят наказать сотрудников милиции и ФСБ, оскорбивших их религиозные чувства. В апреле 2004 г. в городе Тырныаузе на юге КБР происходит первое в республике массовое похищение людей. 9 местных жителей исчезают из автобуса, который находят брошенным на дороге со следами пуль. Пропавшие нашлись через двое суток – они были выброшены на обочины автодорог на территории Северной Осетии и Ставропольского края. По рассказам пострадавших, их похитили сотрудники спецслужб: пытали, кололи иглами и ножами, применяли специальные электронные аппараты и электрошок. У похищенных пытались выяснить, связан ли президент Кабардино-Балкарии В.М. Коков с чеченскими сепаратистами и местными исламистами. К этому времени в республике военные столкновения с группами моджахедов становятся регулярными. В июле 2003 г. совершено нападение на милицейский патруль в Тырныаузе, тяжело ранен офицер милиции. В октябре 2003 г. в перестрелке в пригороде Нальчика убит сержант милиции. В октябре 2003 г. в спецоперациях в Эльбрусском районе убиты восемь моджахедов, которые по информации МВД являлись членами группировки «Ярмук», состоящей из местных жителей, бывших участников отряда чеченского командира Р.Г. Гелаева. Лидером группы называют жителя балкарского села К.М. Аттаева. Летом 2004 г. в Нальчике и пригородах по приказу властей одновременно закрываются все мечети. Члены джамаата продолжают собираться и совершать молитвы на улицах у закрытых мечетей. В августе 2004 г. вблизи дачи министра внутренних дел Х.А. Шогенова происходит восьмичасовой бой, в котором погибают два сотрудника милиции и два моджахеда. Это нападение так же приписывается группировке М.К. Аттаева.

В сентябре в пригороде Нальчика поселке Хасанья спецслужбы похищают близкого друга М.К. Аттаева – Р.Д. Цакоева. Через три дня его выбрасывают на свалку со следами пыток. Перед смертью Р.Д. Цакоев успевает рассказать, что от него требовали подписать признание в том, что он снабжает чеченских боевиков сотовыми телефонами и продуктами. Гибель Р.Д. Цакоева вызывает массовые выступления в Нальчике. После чего с лидером джамаата КБР М. Мукожевым в доме правительства встречаются премьер-министр, глава МВД и прокурор республики. На встрече М. Мукожев требует прекратить репрессии и

---

⁸ от 29 августа 2003 г.

открыть мечети. Представители власти требуют от джамаата прекратить вмешиваться в политику и присоединиться к официальному Духовному управлению мусульман (ДУМ). Единственная в истории конфликта попытка мирных переговоров, предпринятая властью, заканчивается провалом. Вскоре после этого в конце сентября 2004 г. на сайте «Кавказ-Центр» появляется сообщение: «Доводим до сведения всех, что на сегодня, милостью Аллаха, сформирован Кабардино-Балкарский боевой джамаат «Ярмук». Подразделения джамаата «Ярмук» дислоцированы на территории Кабардино-Балкарии и приступают к выполнению поставленных перед ними боевых задач в соответствии с требованиями джихада». 14 декабря 2004 г. происходит нападение на наркополицию. Безукоризненная организация операции заставляют власти делать заявления о существовании в КБР серьезного очага сопротивления, организатором нападения власти считают группировку М.К. Атгаева.

4. Нальчик, 13 октября 2005 г.

Небольшими группами боевиков одновременно были атакованы 18 объектов силовых и правоохранительных структур в Нальчике и в пригородах. Президент России В.В. Путин приказал заблокировать город, чтобы не допустить в него возможные группы поддержки из других республик. Одновременно с этим в Нальчике были заблокированы все виды связи, включая сотовую и стационарную телефонную. Эти меры помешали координации действий повстанцев и серьезно повлияли на исход акции. События 13 и 14 октября достаточно подробно освещались во всех СМИ мира, исследования на эту тему не являются редкостью. Вкратце можно напомнить, что в результате боев были убиты 35 сотрудников различных структур, 12 мирных граждан и 37 повстанцев. Впоследствии число убитых моджахедов увеличилось больше чем вдвое. Подавляющая часть нападавших не имела военного опыта и вооружения. В нападении участвовали менее 200 человек. 99 процентов повстанцев были жителями республики. Среди убитых один осетин, четыре балкарца, один ингуш, один русский, остальные – кабардинцы. По социальному положению повстанцы были более разнородны, чем по национальному. Среди погибших врачи, адвокаты, сыновья влиятельных и богатых семей, бизнесмены, учителя. Территориально джамааты, принявшие участие в акции, относились к различным районам республики. Сразу после 13 октября по КБР прокатилась волна массовых арестов. Появились заявления о гибели арестованных на допросах. А также сведения о составлении новых черных списков, в которые на этот раз вносили и детей. Для составления списков неблагонадежных детей спецслужбы привлекли администрации школ. Несовершеннолетних допрашивали в кабинетах директоров школ, без

уведомления и присутствия родителей⁹. Существование новых списков подтвердил и новый начальник УБОП А.Н. Тишков. На брифинге в МВД в июле 2006 г. он сообщил, что созданы новые списки приверженцев радикального ислама, в них включены уже не 422, как было раньше, а 5000 жителей республики.

Летом 2006 г. пересмотрен ряд положений I, II и X глав основного закона республики. Из конституции КБР исключена ст. 6. Теперь понятия «гражданин КБР» нет. Были исключены положения ст. 26, повторявшие основной закон РФ и определявшие, что арест допускается только по судебному решению, а без суда человек может быть задержан не больше чем на 48 часов. По этим же основаниям убрана из конституции и ч. 4 ст. 59, устанавливавшая, что не подлежат ограничению ни в условиях чрезвычайного положения, ни при других обстоятельствах права и свободы граждан, отраженные в ст. 17 основного закона КБР. Эти права и свободы граждане могут отстаивать со ссылкой только на конституцию РФ. Наиболее радикальные изменения произошли в главе X, которая прежде называлась «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Понятие «пересмотр» касалось изменений в главах I (Основы конституционного строя), II (Права и свободы человека и гражданина) и X, определявшей порядок внесения изменений в основной закон. Пересмотр конституции был прерогативой конституционного собрания – громоздкого института, в состав которого входили депутаты всех уровней – от сельских советов до Федерального собрания РФ. Изменения в главы III-IX назывались «поправками», вносить их мог парламент республики. Понятие «пересмотр» было исключено из основного закона республики, а глава X стала называться «Конституционные поправки». Теперь изменения в конституцию принимает парламент республики 2/3 голосов от установленного числа депутатов. Из конституции была исключена статья 138, регламентирующая порядок пересмотра основного закона, состав конституционного собрания и число голосов, необходимых для принятия решения, а конституционное собрание упразднено.

5. Трансформационные процессы в общественно-политической системе КБР

Происходящие с 2005 г. трансформационные процессы, связанные с назначением нового президента А.Б. Канокова, можно условно разделить на нескольких разных по содержанию этапов, каждый из которых при желании можно выделить в отдельных временных рамках. В короткий временной отрезок, при наличии единого политического руководства, значительные амплитудные колебания можно обозначить как нонсенс.

---

⁹ Regnum 2 марта 2006 г.

В конце июня 2006 г. ушел в отставку председатель кабинета министров Г.С. Губин. На эту должность по представлению президента КБР парламент утвердил А.В. Ярина. Впервые за последние 20 лет на высшую должность пришел человек, до этого не связанный с КБР.

После смены главы правительства произошли изменения и в структуре исполнительной власти, в которую вошли 13 министерств и два государственных комитета. Начало правления нового президента ознаменовалось высочайшей степенью доверия и высоким рейтингом. Бизнесмен-политик – на фоне стабильно стагнирующего общества – олицетворял ветер перемен в общественно-политической жизни. С ним связывались надежды на развитие малого и среднего бизнеса, гражданского общества, прозрачность власти, обновление кадрового состава и многое другое, не говоря об инвестициях и новых технологиях.

Второй этап вопреки ожиданиям ознаменовался постепенной локализацией бизнеса вокруг одной персоны при неэффективно внедряемых программах в области кадровой политики, управления, развития муниципалитетов и социальных программ. Все это привело к осложнению общей ситуации и падению рейтинга.

Попытка снять социальное напряжение стала осуществляться по двум основным направлениям: развитие спорта (всевозможные чемпионаты от шахмат до дзюдо) и привлечение инвестиций. На наш взгляд, ни один из обозначенных проектов развития не имел под собой научно-обоснованной базы, позволяющей прогнозировать результаты. В итоге разрыв между «управляющей компанией» и обществом усилился.

Стоит отметить тенденцию исхода русскоязычного населения под давлением более экономически и политически мобильных, а порой и агрессивных, этнических групп, прежде всего – турок-месхетинцев.

Между тем, по степени влияния на общую ситуацию, фундаментальный характер, по нашему мнению, имеет контекст взаимоотношений «центр – регион».

Северный Кавказ – регион, требующий поиска многовариантных административно-правовых и социокультурных форм взаимоотношений. Народы различаются характером общественного устройства, нормами поведения в обществе, быту, семье и т.д. Как показывает опыт многовекового сосуществования народов Кабардино-Балкарии в составе российского государства, противоречия с центром и, как их крайняя степень, сепаратистские тенденции возникали в те периоды, когда многообразие заменяется единообразием, когда централизм становится единственным способом управления. Примеров достаточно – от политики Екатерины II до попыток создания Горской республики, которые до сих пор находят отражение во взаимных претензиях кавказских народов. Напротив, в процессе длительного формирования российского государства периоды комфортного взаимодействия Кавказа с центром наблюдаются тогда, когда учитывались особенности автономного

управления при сохранении традиционных институтов. От умения выработать баланс централизации и прав наций всегда зависела прочность политической конструкции. Речь идет о создании сбалансированного равновесия между основополагающими принципами федеративного устройства и последовательным учетом специфики каждого из субъектов, об установлении оптимального соотношения между целым и его частью¹⁰.

В последние пять лет, с выстраиванием вертикали власти, тенденция унитаризации усиливается. Это выражается не только в отмене выборов глав регионов, но и в перераспределении в пользу центра полномочий и предметов ведения, в межбюджетных отношениях и налоговой политике. Федеративная по сути форма наполняется унитарным содержанием, что само по себе содержит противоречие, становится дестабилизирующим фактором¹¹. В этих условиях целесообразно вернуться к федеративному устройству не декларативно, а по сути.¹² Возникает проблема легитимации самой местной власти, сужения ее социальной базы до уровня кланов. Да и центр в таких условиях ограничивает влияние возможностью воздействовать на политическую верхушку. При отсутствии в республике развитых институтов гражданского общества, минимального влияния политических партий (с переходом на формирование представительной системы по партийным спискам кандидаты фактически назначаются), спектр взаимодействия центра ограничен субъективным фактором – конкретным руководителем республики. При этом велик риск кадровой ошибки.

Система «сдержек и противовесов» призванная препятствовать абсолютизации власти в руках отдельных сил, трактуется в Кремле своеобразно – путем неформальной поддержки конкурирующих кланов или экономических групп. Все влиятельные клановые структуры в регионе имеют покровителей в столице РФ и предпочитают решать вопросы напрямую.

Руководитель любой республики должен олицетворять авторитет и силу власти, являться общенациональным (или региональным) лидером. Апелляции конкурирующих сторон к федеральному руководству, которое выступает в роли арбитра в решении важнейших, в том числе кадровых вопросов, воспринимаются населением именно как слабость власти. А это в неписаных нормах морали кавказских народов сопряжено с «потерей лица»¹³. В представлении населения, руководитель республики должен пользоваться особым расположением и покровительством высшего руководства страны.

---

¹⁰ Грушевский Д.В. К вопросу о моделировании кооперативных связей // Міжнародний кооперативний рух: історичний досвід і сучасна практика: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Полтава: РВВ ПУСКУ, 2010. – 143 с., стр. 21 – 24.

¹¹ Захаров А.А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008.

¹² Карданов В.З. Политическая организация многосоставного регионального сообщества. Моделирование в социально-политической сфере. Москва 2009г. С.106.

¹³ Деньга Халидов. Теневое политическое право на Северном Кавказе. Политология. № 25. 2005г. С.72.

В.М. Кокову удалось стабилизировать общественно-политическую ситуацию в КБР только во второй половине 90-х годов, когда он считался «тяжеловесом» федерального уровня.

Проблематичным выглядит отношение общества к местному самоуправлению, деятельность которого закрыта для «посторонних глаз». В данных условиях единственными критериями решения вопросов остаются институт личных связей и взятка, при этом, даже неформальные институты не гарантируют удачного рассмотрения претензий. Безусловно, в таких условиях увеличивается градус протестного отношения к системе.

Низкая электоральная активность связана, прежде всего, с предопределённостью результатов выборов. Здесь необходимо отметить объективный и субъективный факторы. К первому следует отнести крайне низкий уровень правовой и политической грамотности населения, при достаточно высоком уровне его же – населения – политизированности. Существующее в обществе недовольство не институциализируется в цивилизованные формы протеста, и как результат, не выходит на уровень взаимодействия с властью. Со своей стороны, власть, вероятно, не осознает важности процедуры выборов, как для поднятия собственного авторитета, улучшения социального самочувствия населения, так и для снижения политической напряженности. Видимо, с этим связано абсолютное отсутствие предвыборных технологий и даже имитации предвыборной борьбы. Это серьезный просчет, который усугубит негативные процессы. По существу не обладающий собственной позицией парламент лишает президента интерактивной связи с населением и формирует неадекватное восприятие реально происходящих в обществе процессов. Кроме того, парламент, состоящий преимущественно из людей бизнес-сферы – парламент «спроса и предложений», не отражающий интересы социальных групп и общественных объединений.

К малоизученным следует отнести процессы влияния на формирование этнического и религиозного сознания значительных масс населения республики. Малоизученность означает неуправляемость и неконтролируемость. Высокий уровень этнической мобилизации, выдвижение на первый план общественной жизни «национальных движений», выступающих от имени основных этнических групп населения, с одной стороны, и кризис республиканских институтов власти, невмешательство или одностороннее позиционирование властных структур – с другой, могут создать необходимые и достаточные условия для развития событий по неблагоприятному сценарию. Общественно-политическая ситуация приобретет собственную динамику, не имеющую ничего общего с целями общества.

Тенденция формирования этнических анклавов в административно-хозяйственной системе КБР противоречит принципам единства экономического пространства и равенства прав граждан. Она станет постоянным источником межэтнических трений, загоняющим в национально-политическую ловушку решение социально-экономических вопросов.

Снижение авторитета и эффективности системы государственной власти республики может обрести характер ее всеобъемлющего кризиса. Но это не будет банкротством только республиканского руководства, лояльность которого к российскому государству трудно подвергнуть сомнению. Снизится общая управляемость социально-политическими процессами в регионе, а попытки достижения групповых целей, минуя государственные, получат дополнительный стимул. Муниципальная реформа выступит при этом как механизм формирования территориальной, административной и экономической базы этнического суверенитета. Дело не в том, что обрисованная перспектива является неизбежной. Но власти и ответственные общественные силы должны действовать с учетом такой возможности. Тем более что наметились определенные признаки кризиса власти в КБР:

- неспособность добиться ощутимого перелома в решении проблем экономического развития и повышения уровня жизни в республике;
- низкий уровень доверия к корпусу государственных и муниципальных служащих, всеобщая убежденность в их коррумпированности;
- наметившийся раскол между этническими подгруппами республиканских элит;
- утрата контроля руководства республики и федерального центра над отдельными звеньями административной и силовой иерархии, территориями и группами населения.

Между тем, глубокая дестабилизация обстановки в КБР чревата опасностями не только для населения республики. Она нанесет урон авторитету РФ и повлечет резкую активизацию деструктивных сил по Северному Кавказу. Следовательно, ключевая роль в дальнейшем развитии ситуации принадлежит федеральным властным структурам. Метод пожарного реагирования в данной области абсолютно неэффективен. Речь должна идти о комплексной согласованной и скоординированной работе основных ведомств, и ведущая роль здесь должна принадлежать первым лицам республики, осознающим ответственность перед вверенным регионом.

Опасность в том, что наиболее легко реализуемыми являются ресурсы этнического и религиозного радикализма. Социальная база этой категории сформирована и высококомобильна ввиду отсутствия цивилизованных механизмов реализации протестного настроения. Структурировать и озадачить эту немалочисленную группу не составит труда. В обозначенных условиях единственным критерием прогнозирования ситуации являются морально-нравственные пределы противоборствующих элит, их способность пожертвовать собственными амбициями ради согласия в обществе. Позитивную роль в этом отношении может оказать федеральный центр, согласовав и разграничив параметры взаимодействия конфликтующих. Как представляется, ценностно-организующее начало, закрепленное у кавказских народов на бессознательном уровне, недостаточно учитывается московскими

политтехнологами в решении кадровых вопросов. Наметившаяся в последние несколько лет тенденция ориентироваться в кадровой политике на профессионалов-бизнесменов себя не оправдывает. Бизнес-подход, с его жесткой, прагматической парадигмой принятия решений не учитывающей коллективистских, традиционных патриархально-архаичных представлений о справедливости, населением не принимается.

Действия федерального центра, связанные с образованием отдельного федерального округа и наделением полномочного представителя Президента РФ по Северному Кавказу статусом вице-преьера Правительства РФ, дают основание полагать: в высших эшелонах власти появилось понимание того, что сохранение историко-географического, экономического и духовно-культурного пространства региона возможно при новом качестве взаимоотношений. Как заметил Д.А. Медведев, говоря о дополнительных полномочиях А.Г. Хлопонина: «такое сочетание уникально, уникальным должен быть и подход».

Вопрос в том, сумеет ли полпред, по его словам даже не бывавший ранее на Кавказе, разобраться в сложном и противоречивом спектре межэтнических, межконфессиональных, межклановых отношений в регионе, осознать критичность сложившейся ситуации, взять на себя ответственность перед обществом и историей.